

Петру Великому

посвящается

СТИХИ

ПОЭМЫ

1714

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР - НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Е.И. ОВСЯНКИНА

Информационно-библиотечный центр СПО

*Петру Великому
посвящается*

**СТИХИ
ПОЭМЫ**

Архангельск
2022

Составитель –
И.Ю. Матчина, эксперт по комплектованию библиотечного фонда.

Петру Великому посвящается. Стихи Поэмы: [сборник] / составитель И. Ю. Матчина. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2022. – 61 с.

Сборник включает в себя поэтические произведения русских поэтов-классиков, посвященные российскому императору-реформатору Петру Первому.

Стихи располагаются в алфавите фамилий авторов. Сборник предназначен для широкого круга читателей.

Содержание

Аврамов Михаил	6
Аксаков Константин	7
Антокольский Павел	10
Апүхтин Алексей	11
Блок Александр	12
Брюсов Валерий	13
Бунин Иван	14
Вяземский Петр	15
Державин Гавриил	16
Иванов Георгий	18
Капнист Василий	19
Карамзин Николай	20
Клюшников Иван	21
Костров Ермил	24
Ломоносов Михаил	25
Маяковский Владимир	34
Николев Николай	36
Пушкин Александр	38
Рылеев Кондратий	42
Смеяков Ярослав	45
Сумароков Александр	48
Толстой Алексей	50
Тредиаковский Василий	52
Цветаева Марина	57
Чёрный Саша	58

Михаил Аврамов

Поэтическое приветствие Петру I

Слава богу обогатившему великую Россию
Ему же хвала посетившему славную Ингрию
Еже в России положи сокровища драгия,
Во Ингрии открыл стези своя благия
Яко дарова монарха премудраго Петра Перваго,
России и Ингрии державца Великаго...
Все сие премудрым Его Величества приходом учинися,
Кровь неприятельская яко вода пролися.
Похищенное свое же наследственное Ингрию и прочая:
Премудро возвратил
И во Ингрию прекрасное место возлюбив, во свое имя
Преславную крепость сотворил
1712

9 января 1712 года в России впервые типографским способом было напечатано стихотворение. Оно было напечатано в 1 экземпляре. Поэтическое приветствие было посвящено Петру I, который возвращался из военного похода, написано директором Петербургской типографии Михаилом Аврамовым. Известно, что стихотворение было напечатано в типографии, а 6 января 1712 года было преподнесено Петру I.

Аврамов был автором проектов многих реформ: в частности предлагал ввести в России бумажные деньги, говорил о необходимости ограждения русских от наплыва иностранцев, выступал за усиление церковной цензуры, ратовал за учреждение хлебных запасов.

За эти проекты Аврамова в 1748 году вновь заключили в темницу тайной канцелярии, где он умер 24 августа 1752 года.

Константин Аксаков

Стихотворение Петру

Великий гений! муж кровавый!
Вдали, на рубеже родном,
Стоишь ты в блеске страшной славы
С окровавленным топором.
С великой мыслью просвещения
В своей отчизне ты возник,
И страшные подъял мученья,
И казни страшные воздвиг.
Во имя пользы и науки,
Добытой из страны чужой,
Не раз твои могучи руки
Багрились кровию родной.
Ты думал, - быстротою взора
Предупреждая времена, -
Что, кровью политые, скоро
Взойдут науки семена!
И вокруг она лилась обильно;
И, воплям Руси не внемля,
Упорство ты сломил, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному следу,
Куда ты ей сказал: "Иди!" –
Она пошла. Ты мог победу
Торжествовать... Но погоди!
Ты много снес голов стрелецких,
Ты много крепких рук сломил,
Сердец ты много молодецких
Ударом смерти поразил;
Но, в час невзгоды удаляся,
Скрыв право вечное свое,
Народа дух живет, таяся,
Храня родное бытие.

И ждет он рокового часа;
И вожденный час придет,
И снова звук родного гласа
Народа волны соберет;
И снова вспыхнет взор отважный
И вновь подвигнется рука!
Порыв молодой и помысл важный
Взволнуют дух, немой пока.
Тогда к желанному пределу
Борьба достигнет - и конец
Положит начатому делу.
Достойный, истинный венец!
Могучий муж! Желал ты блага,
Ты мысль великую питал,
В тебе и сила, и отвага,
И дух высокий обитал;
Но, истребляя зло в отчизне,
Ты всю отчизну оскорбил;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давил.
На благородный труд, стремленье
Не вызывал народ ты свой,
В его не верил убежденья
И весь закрыл его собой.
Вся Русь, вся жизнь се доселе
Тобою презрена была,
И на твоём великом деле
Печать проклятия легла.
Откинул ты Москву жестоко
И, от народа ты вдали,
Построил город одинокой –
Вы вместе жить уж не могли!
Ты граду дал свое названье,
Лишь о тебе гласит оно,
И - добровольное сознание –

На чуждом языке дано.
Настало время зла и горя,
И с чужестранною толпой
Твой град, пирующий у моря,
Стал Руси тяжкою бедой.
Он соки жизни истощает;
Названный именем твоим,
О Русской он земле не знает
И духом движется чужим.
Грех Руси дал тебе победу,
И Русь ты смял. Но не – всегда
По твоему ей влечься следу,
Путем блестящего стыда.
Так, будет время! - Русь воспрянет,
Рассеет долголетний сон
И на неправду грозно грянет, -
В неправде подвиг твой свершен!
Народа дух распушит крылья,
Изменников обымет страх,
Гнездо и памятник насилья –
Твой град рассыплется во прах!
Восстанет снова после боя
Опять оправданный народ
С освобожденною Москвою –
И жизнь свободный примет ход:
Всё отпадет, что было лживо,
Любовь все узы сокрушит,
Отчизна зацветет счастливо –
И твой народ тебя простит.

1845 г.

Павел Антокольский

Петр Первый

В безжалостной жадности к существованию,
За каждым ничтожеством, каждую рванью
Летит его тень по ночным городам.
И каждый гудит металлический мускул
Как колокол.
И, зеленеющий тускло,
Влачится классический плащ по следам.
Он Балтику смерил стальным глазомером.
Горят в малярии, подобны химерам,
Болота и камни под шагом ботфорт.
Державная воля не знает предела,
Едва поглядела — и всем завладела.
Торопится Меншиков, гонит Лефорт.
Огни на фрегатах. Сигналы с кронверка.
И льды как ножи. И, лицо исковеркав,
Метель залилась — и пошла, и пошла...
И вот на рассвете пешком в департамент
Бредут петербуржцы, прильнувшие ртами
К туманному Кубку Большого Орла.
И снова — на финский гранит вознесенный —
Второе столетие мчится бессонный,
Неистовый, стужей освистанный Петр,
Чертежник над картами моря и суши,
Он гробит ревижские мертвые души,
Торопит кладбищенский призрачный смотр.

1921

Алексей Апухтин

По поводу юбилея Петра Первого

Двести лет тому назад
Соизволил царь родиться...
Раз, приехавши в Карлсбад,
Вздумал шпруделя напиться.
Двадцать восемь кружек в ряд
В глотку царственную влились...
Вот как русские лечились
Двести лет тому назад.
Много натворив чудес,
Он процарствовал счастливо...
\"Борода не surgemass*\",-
Раз решил за кружкой пива.
С треском бороды летят...
Пытки, казни... Все в смятеньи!..
Так вводилось просвещение
Двести лет тому назад!
А сегодня в храм святой,
Незлопамятны, смиренны,
Валят русские толпой
И, коленопреклоненны,
Все в слезах, благодарят
Вседержителя благого,
Что послал царя такого
Двести лет тому назад.

1872

Александр Блок

Пётр

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.
Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.
Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и тротуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.
Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!
Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!
Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских — струнных!
Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

Валерий Брюсов

К Медному всаднику

В морозном тумане белеет Исакий.
На глыбе оснеженной высится Петр.
И люди проходят в дневном полумраке,
Как будто пред ним выступая на смотр.
Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмучившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн.
Стоял ты, когда между криков и гула
Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась, блеснула
И полюс земной растопить не могла!
Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал с беспощадностью звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.
Но северный город — как призрак туманный.
Мы, люди, проходим, как тени во сне.
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне.

24–25 января 1906

Иван Бунин

День памяти Петра

О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и Царь расторгли ныне!
Где Град Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаос — царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.
И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад -
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.

И все ж придет, придет пора
И воскресенья и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни же Петра.
Петр значит Камень. Сын Господний
На Камени созиждет храм
И скажет: "Лишь Петру я дам
Владычество над преисподней".

1925 г.

Гавриил Державин

Монумент Петра Великого

Хотя смерть косу поднимает
Равно и на владык земных;
Но вечно память пребывает
В сердцах людских царей благих.
Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, Содетель,
Его в преемниках ты нам!
Нерон, Калигула, Коммоды,
Когда на тронах где сидят,
Хоть поздные их помнят роды,
Но помнят так, как мор и глад.
Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, Содетель,
Его в преемниках ты нам!
Пускай в подсолнечную трубит
Тиран своим богатством страх;
Когда кого народ не любит,
Полки его и деньги — прах.
Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, Содетель,
Его в преемниках ты нам!
Когда царя народ прославит,
Вселенна подтверждает то ж;
Когда царя ласкатель хвалит,
Потомство презирает ложь.
Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, Содетель,
Его в преемниках ты нам!

Вовек, вовек вы незабвенны,
Петра Великого дела!
Петром беседы украшенны;
Петру дела его — хвала.
Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, Содетель,
Его в преемниках ты нам!
Кто был в трудах неутомленный,
Прямой отечества отец?
Великие цари вселенны!
В Петре ваш зрите образец.
Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, Содетель,
Его в преемниках ты нам!

1776

Георгий Иванов

У памятника Петра

Уже чугунную ограду
И сад в уборе сентября
Одела в дымную прохладу
Янтарно-алая заря.
Лучами красными одела
На финском камне тень Его,
И снизошла, и овладело
Столицей невской волшебство.
Колонны дряхлого Сената,
На дымном небе — провода,
В лучах холодного заката
И мост, и снасти, и вода.
Прислушайся к сирены вою
И к сердцу своему в груди!
Над Петроградом и Невою
В холодный сумрак погляди!
Какая тайна все объемлет,
Какой простор закрыла синь,
Какая сила выше дремлет
Среди гранитов и твердынь.
Безмолвны сфинксы над Невою,
Тускнеет пламени игра,
Но торжествует над змеею
Рука Великого Петра.
И в сердце радость расцветает,
И верим утренней заре,
И все тревоги отлетают,
Как будто листья в сентябре.

1915

Василий Капнист

Петру Первому

В младенческих летах коварные измены,
Второй Алкид, как змей, трикрат он задушил.
Чтоб мрак невежества, вокруг его сгущенный,
Рассеять — рубищем порфиры блеск прикрыл;
И, прешагнув моря, к работе низкой руки
Простер, чтоб водворить в отечестве науки.
Сам рать образовал, сам строил корабли.
Он рек — и реки в Белт из Каспа потекли;
Иссунул меч — и готф на высотах Полтавы
К ногам могущего с трофеев гордых пал;
Коснулся лишь пера — и суд безмездный, правый
Из-под развалины нестройств главу поднял.
Сей муж тьмой подвигов, потомством незабытых,
Вселенной доказал, что в поприще владык
Великий вырод был в мужах он именитых,
Ни счастьем, ни венцом, но сам собой — велик.

1811 год

Николай Карамзин

Из мелодрамы «Петр Великий»

Жил был в свете добрый царь,
Православный государь.
Все сердца его любили,
Все отцом и другом чтили.
Любит царь детей своих;
Хочет он блаженства их:
Сан и пышность забывает,
Трон, порфиру оставляет.
Царь как странник в путь идет
И обходит целый свет.
Посох есть ему — держава,
Все опасности — забава.
Для чего ж оставил он
Царский сан и светлый трон?
Для чего ему скитаться,
Хладу, зною подвергаться?
Чтоб везде добро собирать,
Душу, сердце украшать
Просвещения цветами,
Трудолюбия плодами.
Для чего ж ему желать
Душу, сердце украшать
Просвещения цветами,
Трудолюбия плодами?
Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чад и подданных прославить
И в искусстве жить наставить.
О великий государь!
Первый, первый в свете царь!
Всю вселенную пройдете,
Но другого не найдете.

1790-1791

Иван Ключников

Сознание России у памятника Петра Великого

Да, как точно можно гордиться, что мы
принадлежим России и называем ее
своим отечеством.

Слова государя-цесаревича

Есть у бога под луною

Много городов. Один —

Чудный град — там, над Невою,

Скачет конный исполин.

Как он светел, как он ясен!

Символ бога на земле!

Как Россия, он прекрасен!

Как она — тверд на скале!

Взоры на тебя, Россия,

Он орлиные вперил;

Знаешь ли его, Россия?

Рассказать ли, что он был?

Он огромною душою

Всю вселенну обнимал

И могучею рукою

Полвселенной всколебал.

Пробудил от сна полночи,

Жизнь другую сердцу дал,

Новый свет ей вдунул в очи,

Ум наукой воспитал.

Понимал свое он время,

Но его не понял век,

И он снес наветов бремя,

Дивный, божий человек!

Вняв высокому призванью,

Он в деяньях был поэт:

Наша Русь — его создание,

Судия — весь божий свет!
На краю вселенной смело
Он воздвиг наш дивный град,
В нем он жив — и век уж целый
Царства на него глядят.
Смело он на них взирает,
Волю Божию, закон —
Он России представляет,
Чрез Европу скачет он.
Подойди к нему, Россия,
Поклонися до земли,
О самой себе, Россия,
У гиганта здесь спроси.
Здесь он думал, здесь учился,
Здесь он русских жить учил,
Здесь за русских он молился,
Сына здесь за них судил...
Посмотри, как конь могучий
От земли несется вдаль;
Словно хочет он за тучи
Унести отца печаль!
Царь спокоен; он судьбою
Лишь твоею дорожит,
И у бога над тобою
Уж сто лет он сторожит.
Светлым взором обнимает
Царства русского концы,
И сквозь тучи нам взывает:
"Браво, браво, молодцы!"
Русь, молись и веселися —
Ты идешь стезей добра;
Слышишь "браво" — отзовися
На могучий глас Петра!
И Россия отозвалась:
"Петр, тебя я поняла:

Я в тебе, гигант, созналась,
И в себе тебя нашла!
Мир тебя не позабудет,
Воплощу твои мечты:
Будет время... Но что будет
Знает бог да знаешь ты!.."

1840 год

*Клюшников Иван Петрович (2 декабря 1811 – 16 февраля 1895).
Русский поэт. Друг В.Г. Белинского и Н.В. Станкевича. Один из учителей
И.С. Тургенева.*

Ермил Костров

Кто сей, превознесен на каменной твердыне...

Кто сей, превознесен на каменной твердыне,
Сядущий на коне, простерший длань к пучине,
Претящ до облаков крутым волнам скакать
И вихрям бурным понт дыханьем колебать? —
То Петр. Его умом Россия обновленна,
И громких дел его исполненна вселенна.
Он, видя чресл своих предзнаменитый плод,
Соплещет радостно с превыспренних высот.
И медь, что вид его на бреге представляет,
Чувствительной себя к веселию являет;
И гордый конь его, подъявля легкость ног,
Желает, чтоб на нем сядущий полубог
Порфирородную летел лобзать девицу,
Поздравить россам вновь востекшую денницу.

Из стихотворения «Эклога. Три грации.

На день рождения Ея Высочества Великия Княжны Александры Павловны»,
1783

Ермил Иванович Костров (6 января 1755 – 9 декабря 1796). Русский переводчик и поэт, который первым в России перевёл «Илиаду» Гомера и «Золотого осла» Апулея. По воспоминаниям Александра Пушкина, он служил стихотворцем при Московском университете: писал официальные стихотворения по торжественным случаям. Медный всадник работы Этьена Мориса Фальконе — один из самых известных символов Северной столицы. Первое стихотворение о памятнике было написано спустя год после его открытия, и с тех пор монументальный образ появляется в литературе. Стихотворение, созданное в античных традициях, построено как беседа трех граций. О памятнике Петру I и самом царе в эклоге говорит Аглая. С произведения Кострова началась литературная традиция изображать медного Петра как покровителя города, способного уберечь его от бед. Образ «гордого коня» из эклоги позже появится в «Медном всаднике» Александра Пушкина.

Михаил Ломоносов.

Надпись 1 к статуе Петра Великого

Се образ изваян премудрого героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатом,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И словом, се есть Петр, отечества Отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

Надпись 2

К той же

Елисавета здесь воздвигла зрак Петров
К утехе россов всех, но кто он был таков,
Гласит сей град и флот, художества и войски,
Гражданские труды и подвиги геройски.

Надпись 3

К той же

Металл, что пламенем на брани устрашает,
В Петрове граде се россиян утешает,
Изобразив в себе лица его черты;
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притом раченье наше,

То был бы образ сей всего на свете краше.

Надпись 4
К той же

Зваянным образам, что в древни времена
Героям ставили за славные походы,
Невежеством веков честь божеска дана,
И чтили жертвой их последовавши роды,
Что вера правая творить всегда претит.
Но вам простительно, о поздые потомки,
Когда услышав вы дела Петровы громки
Поставите олтарь пред сей геройский вид;
Мы вас давно своим примером оправдали:
Чудясь делам его, превысшим смертных сил,
Не верили, что он един от смертных был,
Но в жизнь его уже за бога почитали.

Надпись 5
К той же

Гремящие по всем концам земным победы,
И россов чрез весь свет торжествовавших следы,
Собрание наук, исправленны суды,
Прременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди волн грады новы
И прочие дела увидев смерть Петровы
Рекла: «Сей человек предел мой нарушил
И доле в мире сем Мафусаила жил».
Так лета по делам считая, возгласила
И в гроб великого сего героя скрыла.
Но образом его красуется сей град.
Взирая на него, Перс, Турок, Гот, Сармат
Величеству лица геройского чудится
И мертвого в меди бесчувственной страшится.
Между 1743 и 1747

Пётр Великий

Героическая поэма (отрывок)

Его высокопревосходительству, милостивому государю Ивану Ивановичу Шувалову, генералу-поручику, генералу-адъютанту, действительному камергеру, московского Университета куратору и орденов Белого Орла, святого Александра, святой Анны кавалеру.

Начало моего великого труда
Прими, предстатель муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен, в сей путь пустился я:
Ты будешь онога споспешник и судья.
И многи и сия дана тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкий слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием твоим восстану одобрен.
Хотя вослед иду Вергилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру;
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров;
Достойную хвалу воздать сему герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О, если б было то в возможности моей,
Беглец Вергилиев из отчества Эней
Едва б с Мазепою в стихах моих сравнился,
И басней бы своих Вергилий устыдился.
Уликсовых Сирен и Ахиллесов гнев
Вовек бы заглушил попранный ревом Лев.

За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым
И возвышением стихов геройских новым
Уверю целые вселенные концы,
Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.
Хотя за знание служил мне в том талан,
Однако скажут все: я был судьбой избран;
Желая в ум вперить дела Петровы громки,
Описанны в моих стихах прочтут потомки
Обильные луга, прекрасны бреги рек,
И только где живет Российский человек
И почитаючи Россию все языки,
У коих по трудам прославлен Петр Великий,
Достойну для него дадут сим честь стихам
И станут их гласить по рощам и лесам.
О! как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым;
Однако ж я отнюдь надежды не лишен:
Начатый будет труд прилежно совершен.
Твоими, меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас, как легкими крилами;
В разборе убежден о правоте твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.
И если в поле сем, прекрасном и широком,
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,
Что мной проложенным последуют стопам.
Довольно таковых родит сынов Россия,
Лишь были б завсегда защитники такие,
Каков ты промыслом в сей день произведен,
Для счастья наук в отечестве рожден;
Благополучная сияла к ним планета,
Предвозвещающая плод в твои прекрасны лета;
В благодеяниях твои проходят дни;

О, коль красно цветет Парнас в твоей тени!
Для Музы моя твой век всего дороже;
Для многих счастья продли, продли, о Боже.
Ноября 1 дня 1760 года

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Петр Великий, уведав, что Шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиєю предпринимлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинския устья обращает в бегство флот Шведский. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе сказывает государю настоятелю тамошня обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничей.

Пою премудрого российского героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне поправ противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

К тебе я вопию, Премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной в слух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас, неслыханны отвеса,
С каким усердием, Отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя,

Да на его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны владыки
Познают, что монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях герой,
Дабы Российский род вовеки помнил твердо,
Коль, Небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети, делами Петр снабдит,
Велика дочь его щедротой оживит.
Богиня, коей власть владычеств всех превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише
И к подданным любовь всех вышний есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабый лирный звон.
Склони, склони свой слух, когда я пред тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожден от варвар был Азов,
До Меотиских Дон свободно тек валов,
Нося ужасный флот в струях к пучине Черной,
Что создан в скорости Петром невероятной;
Уже великая покоилась Москва,
Избыв от лютого злодеев суровства,
Бунтующих стрельцов достойной после казни
Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
От дерзкой наглости разгневанным Петром
Воздвигся в западе войны ужасный гром;
От Нарвской обуяв сомнительной победы,
Шатались мыслями и войск походом Шведа.
Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
К любезным берегам полночных Белых вод,
Где прежде меж валов душа в нем веселилась
И больше к плаванью в нем жажда воспалилась.

О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славным шествием его освящена!
Ты тем всех выше рек, что, устьями своими
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
О холмы красные и острова зелены,
Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я рожден
И тем толикого веселия лишен?
Не зрех, как он сиял величеством над вами
И шествовал по вам пред новыми полками,
Как новы крепости и новы корабли,
Ужасные врагам в волнах и на земли,
Смотрел и утверждал противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому берегу,
Дабы российскую тем силу разделить,
От Ингерских градов осады отвратить;
Но вдруг, пришествия Петрова в Север слухом
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духом.
Уже белея, понт перед Петром кипит,
И влага уступить, шумя, ему спешит,
Там вместо чаянных бореи флагов шведских
Российские в зыбях взвевали Соловецких.
Закрылись крайние пучиною леса,
Лишь морем видны вокруг слиянны небеса;
Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
На запад и на юг, на север и восток
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
Перуны мрак густой сверкая разделяют,
И громы с шумом вод свой треск соединяют,
Меж морем рушился и воздухом предел,
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великой страх сугубят скрыпом снасти.

Герой наш посреде великия напасти
И взором и речью смутившихся крепит,
Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
«Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает,
К трудам и к крепости напредки ободряет.
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея, Бог скоро пошлет край».
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отвратить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаванье Петра нечаянно постигла...

1760 г.

Поэма была заказана Ломоносову И.И. Шуваловым не позднее 1756 г. и в том же году, по-видимому, Ломоносов приступил к работе. Несмотря на уверения Ломоносова, что написание поэмы он «почитает выше всех благополучий своей жизни» (письмо Шувалову от 23 ноября 1757 г.), в самой поэме заметно затруднение автора совершить это «героическое описание трудов Петровых», на «подневольный» характер труда указывает и вступление.

Вероятно поэтому Ломоносов, по свидетельству Я. Штелина, «положил себе за правило ковать ежедневно по тридцати стихов». И если он этому правилу и следовал, то лишь начиная с 1760 г., когда были написаны основная часть первой песни (поднесена Шувалову в день его рождения 1 ноября 1760 г.; в декабре того же года вышла отдельным изданием) и начало второй песни (на время ее создания указывают ее начальные стихи, прославляющие победы русской армии в Пруссии). Уже во вступлении Ломоносов жалуется на трудность поставленной перед ним задачи («труд желаемый, но непреодолимый»).

Стихи, сочиненные в Петергофе на Петров день 1759 года

Взойди, веселый дух, на ону высоту,
Где видеть можно лет Петровых красоту,
Парящие простри на нынешней день мысли,
Желания к нему и плески все исчисли.
Между болот, валов и страшных всем врагов
Торги, суды, полки, и флот, и град готов.
Как с солнцем восстают к брегам Индейским воды,
Так в устья Невские лились к Петру народы.
Представь движение и ветвей, и зыбей,
Представить можешь шум от множества людей.
Бегут во след его, друг друга утесняют,
На чудные дела и на него взирают.
Несчетны тщатся тьмы вместиться в малый храм,
Равняют веку час и тесность небесам.
У всех в устах сей день и подвиги Петровы,
Трудиться купно с ним и умереть готовы.
Всевышний благодать и ныне к нам простер:
Мы видим в наши дни сих радостей пример.
Елисавет в лице Петрове почитаем,
На внука с правнуком, как на него, взираем.[1]

[1]Стихи, сочиненные в Петергофе на Петров день 1759 года.

Владимир Маяковский

Последняя петербургская сказка

Стоит император Пётр Великий,

думает:

«Запирую на просторе я!»

а рядом

под пьяные клики

строится гостиница «Астория».

Сияет гостиница,

за обедом обед она

даёт.

Завистью с гранита снят,

слез император.

Трое медных

слазят

тихо,

чтоб не спугнуть Сенат.

Прохожие стремились войти и выйти.

Швейцар в поклоне не уменьшил рост.

Кто-то

рассеянный

бросил:

«Извините»,

наступив нечаянно на змеин хвост.

Император,

лошадь и змей

неловко

по карточке

спросили гренадин.

Шума язык не смолк, немея.

Из пивших и евших не обернулся ни один.

И только
когда
над пачкой соломинок
в коне заговорила привычка древняя,
толпа сорвалась, криком сломана:
— Жуёт!
Не знает, зачем они.
Древня!
Стыдом овихрены шаги коня.
Выбелена грива от уличного газа.
Обратно
по Набережной
гонит гиканье
последнюю из петербургских сказок.
И вновь император
стоит без скипетра.
Змей.
Унынье у лошади на морде.
И никто не поймет тоски Петра —
узника,
закованного в собственном городе.

1916 г.

Николай Николев

Рондо блаженные памяти государю Петру Первому

Петр Велик!.. так мир вещает;
Сердце то же ощущает;
Сердце тако говорит:
Кто столь много сотворит.
Потрудится так полезно?..
О отечество любезно!
Простирай до неба клик:
Петр Велик!

Петр Велик!.. гласит все войско:
Он нам сердце дал геройско.
В дух бестрепетность влиял;
Росс Петром лишь просиял!
И полсвета повторяет,
И полсвета восклицает
Гласом сердца без улик:
Петр Велик!

Петр Велик!.. неподражаем
В попеченьях и трудах.
Мы злодеев побеждаем
На полях и на водах
От его драгой заботы.
Кто явил на безднах флоты,
Взнес, как гору? брег поник...
Петр Велик!

Петр Велик!.. потряс кто шведом
И сея ж победы следом
Древню область возвратил,
Град на зыбях сотворил,

Одолел сарматски споры,
Удивил Европы взоры,
Глубоко в сердца проник?..
Петр Велик!

Петр Велик!.. кто грубы нравы
Просвещением смягча,
Свой народ довел до славы
Не чрез средство лишь меча,
Но рассудки изощряя,
Дар на пользу обращая,
Зрел на правду, не на лик?
Петр Велик!

Петр Велик!.. твои все кедры!
Здесь проникнув горны недры,
Ты драгой металл извлек.
Слил поток великих рек;
Там ремеслы ввел полезны,
Там измерил сушь и бездны —
И отвсюду глас возник:
Петр Велик!

Петр Велик... Велик неложно!
Всех трудов его не можно
Смертной лирой возгласить.
Должен сам бессмертен быть
Восприявший честь толику.
Но Великая Велику,
Вознеся на память лик,
О герое доказала,
Громче... громче всех сказала:
Петр Велик!

Впервые: Аониды. 1796. Кн. 1. С. 78—81.

Александр Пушкин

Стансы

В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой он привлёк сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.
Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной,
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.
Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращурю подобен:
Как он неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Из поэмы «Полтава»

Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
...Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза

Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.
Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се - равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Пир Петра Первого

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русской штык иль русской флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?
Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всею семьею наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?
Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нет! Он с подданным мирится;

Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.
Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835

Кондратий Рылеев

Петр Великий в Острогожске

Дума

Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака, вместе с Шереметевым, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цепи щит с такими ж украшениями. В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасься в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честью отпустил в Украину.

В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.
«Виден промысла святого
Над тобою дивный щит! —
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит. —
Оглася победой славной
Моря Черного берега,
Ты смирил, монарх державный.
Непокорного врага.
Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,

Ты душой своей велик.
Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам
И губительною мезтью
Пролететь по их полкам.
Уснежилса черный волос,
И булат дрожит в руке:
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в козаке.
В пыльном сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музыка — стук мечей!»
Кончил — и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинной,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепой
Клясться в искренности смел?
Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;
Петр Великий в Острогожске
Где с отвагой молодецкой

Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой
Добрых граждан возмущал;
Где, плененный славы звуком.
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичной
Нивы тучные дают;
Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенной
Острогожских Козаков. [1]

Год написания: 1823

[1]С, 1823, К 3 с посвящением «Барону А. А. Дельвигу»; НЛ, 1824, К 15. Автограф ст. 1-28 — ЦГАДА. Представлена в ВО 16 мая 1823 г. под загл. «Первое свидание Петра Великого с Мазепой» (см. М., стр. 80). Историческая основа думы — данные о свидании Петра I с Мазепой в Острогожске в изложении Д. Н. Бантыша-Каменского (см. его «История Малой России», т. 3. М., 1822). Пушкин отметил поэтические достоинства этой думы, а ст. 67-68 процитировал в «Путешествии в Арзрум». (См. П, т. VIII, стр. 446; т. XIII, стр. 175). 1 Брюховецкий Иван Мартынович, гетман Левобережной Украины в 1663-1668 гг. Пытался поднять мятеж против русского царя и отдать Украину под власть Турции, но был убит восставшими казаками.

Ярослав Смеляков

Пётр и Алексей

Петр, Петр, свершились сроки.
Небо зимнее в полумгле.
Неподвижно бледнеют щеки,
и рука лежит на столе —

та, что миловала и карала,
управляла Россией всей,
плечи женские обнимала
и осаживала коней.

День — в чертогах, а год — в дорогах,
по-мужицкому широка,
в поцелуях, в слезах, в ожогах
императорская рука.

Слова вымолвить не умея,
ужасаясь судьбе своей,
скорбно вытянувшись, пред нею
замер слабостный Алексей.

Знает он, молодой наследник,
но не может поднять свой взгляд:
этот день для него последний —
не помилуют, не простят.
Он не слушает и не видит,
сжав безвольно свой узкий рот.
До отчаянья ненавидит
все, чем ныне страна живет.

Не зазубренными мечами,
не под ядрами батарей —
утоляет себя свечами,

любит благовест и елей.

Тайным мыслям подвержен слишком,
тих и косен до дурноты.

«На кого ты пошел, мальчишка,
с кем тягаться задумал ты?»

Не начетчики и кликуши,
подвывающие в ночи, -
молодые нужны мне души,
бомбардиры и трубачи.

Это все-таки в нем до муки,
через чресла моей жены,
и усмешка моя, и руки
неумело повторены.

Но, до боли души тоскуя,
отправляя тебя в тюрьму,
по-отцовски не поцелую,
на прощанье не обниму.

Рот твой слабый и лоб твой белый
надо будет скорей забыть.
Ох, нелегкое это дело —
самодержцем российским быть!..»

Солнце утренним светит светом,
чистый снег серебрит окно.
Молча сделано дело это,
все заранее решено...

Зимним вечером возвращаясь
по дымящимся мостовым,
уважительно я склоняюсь

перед памятником твоим.

Молча скачет державный гений
по земле — из конца в конец.
Тусклый венчик его мучений,
императорский твой венец.

1945-1949

Александр Сумароков

Ко статуи государя Петра Великаго

Изображаетъ мѣдъ сія черты лица
Великаго ПЕТРА, Отечества Отца,
Созиждалъ градъ онъ сей, устроилъ флотъ и войски;
Вознесъ Россію онъ чрезъ подвиги Геройски.
Въ знакъ благодарности къ нему Россіи всей,
ЕКАТЕРИНОЮ воздвигнуть образъ сей.
Но еслибъ ПЕТРЪ воскресъ опять въ Россіи ныкъ,
Онъ краше бъ монументъ воздвигъ ЕКАТЕРИНЪ.
ПЕТРЪ внутреннхъ враговъ и внѣшнихъ побѣдилъ,
Объялъ владычествомъ и море онъ и сушу,
Прославя роесіянъ богатствомъ наградилъ.
ПЕТРЪ далъ намъ бытіе, ЕКАТЕРИНА душу.

В 1782 году открыт был памятник Петру I, с легкой руки Пушкина получивший название «Медного всадника». Создан он был Этьеном Фальконе при патронаже Екатерины II. Императрица была чрезвычайно озабочена своим местом в истории, привлекая, как своих, так и зарубежных пиарщиков своего времени.

Каждый этап создания памятника, не имевшего аналогов в истории искусства, обсуждался императрицей с такими авторитетами, как Руссо и Вольтер. Чтобы оправдать перед Западом узурпацию власти и убийство мужа, Петра III, Екатерина позиционировала себя не только продолжательницей, но и улучшательницей деяний Петровых. Масс-медиа в лице придворного поэта Сумарокова отметила создание модели памятника выше размещенным стихотворением. Возведение памятника Петру на валуне было для современников не менее шокирующим, чем неизбежная башня Газпрома. В напоминание о том, что именно Петр вывел Россию к морю, пьедесталом должен быть монолит в виде волны, только при обработке Гром-камня гребень волны отвалился и получилось с пьедесталом то, что получилось.

В те времена памятниками деяний царей и выдающихся деятелей были часовни или церкви, отнюдь не медные идола. С точки зрения православной церкви переборщил пиит в восхвалении благодетельницы. А чтобы потомки не перепутали ее с другой немкой – женой Петра I, и тоже Екатериной, она приказала написать на постаменте: Петру Первому Екатерина Вторая.

В частном письме она рассказала о своем впечатлении по поводу открытия памятника: «Скажешь, что он (Петр I.) таки доволен своим творением. Я долго не решалась его рассматривать, по чувству умиления, и когда оглянулась кругом, то увидала, что все тут бывшие прослезилась. Лицом он был обращен к стороне, противоположной Черному морю; но выражение головы свидетельствует, что он не смотрит ни в какую сторону. Он был слишком далеко, чтобы говорить со мною; но он мне показался доволен».

<https://proza.ru/2010/10/16/446>

К домику Петра Первого

В пустынях хижинка состроена сия,
Не для затворника состроили ея:
В порфире, с скипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Лзя ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать;
Но то исполнилось; стал город скоро в цвете...
Каков сей домик мал, так Петр велик на свете.

1756

Алексей Толстой

Государь ты наш батюшка

1

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?»
— «Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!»

2

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А где ты изволил крупы достать?»
— «За морем, матушка, за морем,
За морем, сударыня, за морем!»

3

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Нешто своей крупы не было?»
— «Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!»

4

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А чем ты изволишь мешать ее?»
— «Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!»

5

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет крутенька?»

— «Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!»

6

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет солона?»

— «Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!»

7

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?»

— «Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!»

Алексей Константинович Толстой (05 сентября 1817 — 10 октября 1875) вошел в историю русской литературы как поэт и прозаик. Его лирика легла в основу знаменитых романсов Петра Чайковского, Николая Римского-Корсакова и других композиторов. Вместе с братьями Жемчужниковыми он создал одну из самых известных литературных мистификаций — вымышленного писателя Козьму Прутков, чьи афоризмы известны и сегодня.

Василий Тредиаковский

Элегия о смерти Петра Великого

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не токмо едина; плачут уж и чады!
Се она то мещется, потом недвижима,
Вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима.
«Что то за причина?», — лишь рекла то Вселенна.
Летит, ах горесть! Слава весьма огорченна,
Вопиет тако всюду, но вопиет право,
Ах! позабыла ль она сказывать не здраво?
О когда хоть бы в сем была та неверна!
Но вопиет, вопиет в печали безмерна:
«Петр, ах! Алексиевич, вящий человека,
Петр, глаголю, российский отбыл с сего века».
Не внушила Вселенна сие необычно,
Ибо вещала Слава уж сипко, не зычно.
Паки Слава: «Российский император славный,
Всяку граду в мудрости и в храбрости явный.
Того правда, того милость тако украсила,
Чтоб всю тебя Вселенну весьма удивила.
Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?
Любовь ко отечеству дала ль место скуке?
Что же бодрость? Что промысл? Православна вера?
Ах! не имам горести ныне я примера!»

Паче грома и молнии се Мир устрашило,
И почитай вне себя той весь преложило.
Но по удивлении в незапной причине,
Со стенанием в слезах Вселенная ныне:
«Увы, мой Петре! Петре, верх царския славы!
Увы, предрагоценный! О судеб державы!

Увы, вселенная ты едина доброта!
Увы, моя надежда! тяжка мне сухота!
Увы, цвете и свете! увы, мой единый!
Почто весьма сиру мя оставил, любимый?
Кто мя, Вселенну, тако иный царь прославит?
Кто толики походы во весь свет уставит?
Всюду тебе не могла сама надивиться,
Но уже Петр во мне днесь, Петр живый, не зрится!
Ах, увяде, ах, уже и сей помрачися!
Праведно, Россия, днесь тако огорчися».

Се бегут Паллада, Марс, Нептун, Политика,
Убоявшеся громка Вселенная крика.
«Что тако, — глаголют, — мати, ты затела?»
Но Паллада прежде всех тут оцепенела,
Уразумевши, яко Петра уж не стало;
Петра, но российска: «Ах! — рече, — все пропало».
Падает, обмирает, власы себе комит,
Все на себе терзает, руки себе ломит,
Зияет, воздыхает, мутится очима,
Бездыханна, как мертва не слышит ушима,
Всех чувств лишена, мало zde в себе приходит,
Тихо, непостоянно, так гласом заводит:
«Мое солнце и слава! моя ты Паллада!
Куды ныне убегла? до коего града?
Я прочих мудрости всех мною наставляла;
А тебя я сама в той слышати желала.
О премудрый Петре! ты ль не живещи ныне?
Кая без тебя мудрость уставится в чине?
Плачь, винословна, плачи, плачь, Философия,
Плачьте со мною ныне, науки драгие.
Стени, Механика, [и] вся Математика,
Возопий прежалостно и ты, Политика.
По тебе плакать будет в своем свое время,
Оставь мя ныне мое оплакать зол бремя.

Плачь со мною, искусство, но плачи чрезмерно:
Оставил нас Петр, что я узнала, ей, верно.
Ах! покинул всех нас Петр, мудростей хранитель,
Своего государства новый сотворитель».

Марс: «Не о российском ли, мати, Петре слово,
Нарицаемом Марсе во всем свете ново,
Ему же в храбрости я не могу сравниться,
Разве только сень его могу похвалиться?»
Сказала Вселенна — Марс завопил жестоко,
Пал было, но встал зараз, на небо взвел око:
«О небесни! небесни! и вы зависть взяли,
Что толика прехрабра у земных отняли;
Большу же мне нанесли ныне вы обиду,
Попротивился бы вам без почтенна виду.
Но отдайте мне Петра, Петра в мощных славна,
В храбрости, в бодрости и в поли исправна».
В большу пришед Марс ярость, кинув шлем и саблю;
«Дела, — рече, — храбра я один не исправлю.
О Петре! Петре! Петре! воине сильный!
При градех, и во градех, и в поли весь дивный.
Возвратись, моя радость, Марсова защита:
Марс не Марс без тебя есмь, ах! но волокита.
Увы, мой Петре! како возмогу стерпети
Тебе не сущу, в слезах чтобы не кипети?
Вем, что не должно храбру, но быти не можно,
Егда вем, яко уснул ныне ты не ложно.
Уснул сном, но по веках возбнуться имущим;
Уснул сном, но нам многи печали несущим.

Впрочем, пойду скитаться, лишившись клеветы,
Оплачу Петра, всегда землю одета».
Починает по том здесь Политика стужна
Рыдати не инако как жена безмужна:
«Дайте, — глаголет, — плачу моему место, други,

Не могу бо забыть Петра мне услуги.
Кто ин тако первее скрасил Политику!
Кто меня в конец достигл толь весьма велику?
Рассмотрил, ввел, пременил, укрепил он нравы,
Много о том глаголют изданные правы.
Но, о! и его правивш, Боже ты державный!
Почто мне Петра отнял? тем подал плач главный.
Я толику на него надежду имела,
Чтоб воистину в первом месте уж сидела
Преодо всеми; но твоя то божия сила,
Хотя сия причина весьма мне не мила».
Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, что уж другого не стало
Любителя. Балтийско — что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех, что однажды плавал по нем сильне.

Всюду плач, всюду туга презельна бывает,
Но у Бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти тебе.

1725

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1768) — поэт, переводчик, крупнейший русский филолог XVIII в., посвятивший всю свою жизнь русской литературе и сыгравший огромную роль в реформе русского языка и русского стихосложения. В.К. Тредиаковский является последним по хронологии писателем, который был знаком с Петром I. Их единственная, вероятно, встреча, описанная в несохранившихся «Записках» Тредиаковского, произошла в 1722 г., когда Петр I был в Астрахани и посетил школу монахов-капуцинов, в которой обучался юный Тредиаковский. «Петр Великий зашел однажды в сие училище и велел представить себе лучших учеников. Между ими был Тредиаковский.

Приподняв волосы на лбу его и пристально посмотрев на лицо юноши, государь произнес: “Вечный труженик, а мастером никогда не будет!”». Тредиаковский на всю жизнь сохранил восторженное отношение к Петру I, в котором видел воплощение идеала монарха, хотя непосредственно ему посвятил всего одно произведение, написанное в связи с кончиной императора.

«Элегия о смерти Петра Великого» 1725 г. — это одно из самых ранних дошедших до нас оригинальных стихотворений Тредиаковского. «Элегия» была опубликована самим автором в 1730 г. в разделе «Стихи на разные случаи», который составил вторую часть его книги «Езда в остров Любви». Впервые элегия была произнесена Тредиаковским во время траурной церемонии, посвященной кончине Петра I, которая состоялась в московской Славяно-греко-латинской академии 20 марта 1725 г. Сначала элегия была написана на латинском языке, затем дважды переведена самим автором на русский язык.

Элегия была написана для торжественной траурной церемонии в стенах Славяно-греко-латинской академии — «Петру Первому Великому, императору всея России, августейшему Отцу Отечества, благоутробнейшему прекрепкому в бранех победителю, преславному мироподателю, училищ славеногреколатынских прецедрому фундаментору, от добродетели к небесем, от смерти к безсмертию преселенному, всеистинныя печали своя феатр благодарная академия их величества московская устрой 20 марта 1725 года». Как раз панегирическим характером всей церемонии, близкой школьной драме, объясняется риторическое построение стихотворения Тредиаковского, в котором Петра оплакивают вся Вселенная, страны, моря и науки.

Марина Цветаева

Петру

Вся жизнь твоя — в едином крике:

— На дедов — за сынов!

Нет, Государь Распровеликий,

Распорядитель снов, Не на своих сынов работал, —

Бесам на торжество! —

Царь-Плотник, не стирая пота

С обличья своего. Не ты б — всё по сугробам санки

Тащил бы мужичок.

Не гнил бы там на полустанке

Последний твой внучок. Не ладил бы, лба не подьемля,

Ребьчых кораблёв —

Вся Русь твоя святая в землю

Не шла бы без гробов. Ты под котел кипящий этот —

Сам подложил углей!

Родоначальник — ты — Советов,

Ревнитель Ассамблей! Родоначальник — ты — развалин,

Тобой — скиты горят!

Твоею же рукой провален

Твой баснословный град... Соль высолил, измылил мыльце —

Ты, Государь-кустарь!

Державного однофамильца

Кровь на тебе, бунтарь! Но нет! Конец твоим затеям!

У брата есть — сестра...

— На Интернационал — за терем!

За Софью — на Петра!

1920 г.

Саша Черный

Жёлтый дом

Семья — ералаш, а знакомые — нытики,
Смешной карнавал мелюзги.
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.
Возьмешь ли книжку — муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет...

Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на север дикий
Понесло тебя на грех?
Восемь месяцев зима, вместо фиников — морошка.
Холод, слизь, дожди и тьма — так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что же дальше, боже мой?!

Каждый день по ложке керосина
Пьем отраву тусклых мелочей...
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина...

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска — я знаю — есть,
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счесть.

Где наше — близкое, милое, кровное?

Где наше — свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

1908 г.

Странный царь

Быль

Простой моряк, голландский шкипер,
Сорвав с причала якоря,
Направил я свой быстрый клипер
На зов российского царя.
На верфи там у нас, бывало,
Долбя, строгая и сверля,
С ним толковали мы немало,
Косясь на ребра корабля.
Просил: везу в его столицу
Семян горчицы полный трюм.
А я хотел везти корицу...
Уж он не скажет наобум!
Вошел в Неву... Бескрайней топью
Серели низкие края.
Вздыхались свай гигантских копыя,
Лачуги, бревна... Толчая!
И вот о борт толкнулась шлюпка,
Вошел, смеется: «Жив, камрад?»
Камзол, ботфорты, та же трубка,
Но новый — властный, зоркий взгляд.
Я сам плечист и рост немалый, —
Но перед ним, помилуй Бог,
Я — как ребенок годовалый...

Гигант! А голос — зычный рог.
Все осмотрел он, как хозяин:
Пазы, и снасти, и борта,—
А я, как к палубе припаян,
Стоял в тревоге, сжав уста.
Хватил со мной по стопке рома,
Мой добрый клипер похвалил,
Сел в шлюпку... «Я сегодня дома,—
Царица тоже» — и отплыл.
Как сон, неделя промелькнула.
Я помню низкий потолок,
Над койкой карты, два-три стула,
Токарный у стены станок,
План Питербурха в белой раме,
Простые скамьи вдоль сеней.
Последний бургер в Амстердаме
Живет богаче и пышней!
Денщик принес нам щи и кашу.
Ожег язык — но щи вкусны...
Царь подарил мне ковш и чашу,
Царица — пояс для жены.
Со мной не прерывая речи,
Он принимал доклад вельмож:
Я помню вскинутые плечи
И гневных губ немую дрожь...
А маскарады, а попойки!
И как на все хватало сил:
С рассвета подымался с койки,
А по ночам, как шкипер, пил.
В покоях дым, чадили свечи.
Цуг дам и франтов разных лет,
Сжав губки в красные сердечки,
Плясали чинный менуэт...
Царь Петр поймал меня средь зала:
«Скажи-ка, как коптить угрей?»

На свете прожил я немало,
Но не видал таких царей!
Теперь я стар, и сед, и тучен.
Давно с морского слез коня...
Со старой трубкой неразлучен,
Сижу и греюсь у огня.
А внучка Эльза, — непоседа,
Кудряшки ярче янтарей, —
Все пристаёт: «Ну, что же, деда,
Скажи мне сказочку скорей!»
Не сказку, нет... Но быль живую, —
Ее я помню, как вчера.
«Какую быль? Скажи, какую?»
Про русского царя Петра.

Саша Чёрный (13 октября 1880 – 5 августа 1932) – настоящее имя Александр Михайлович Гликберг. Русский поэт Серебряного века, прозаик, журналист, получивший широкую известность как автор популярных лирико-сатирических стихотворных фельетонов. Читатели заучивали сатирические строки Саши Чёрного наизусть, а Маяковский цитировал их в общественном транспорте.

Его язвительного языка боялись власти — изымали тиражи журналов и сборников, закрывали издания. Помимо злободневных стихов, поэт создавал произведения для детей и в России, и в эмиграции, за рубежом. <https://www.culture.ru/persons/9594/sasha-chyornyi>

